

Заметив, что парень вот-вот лишится чувств и завалится назад, «Тётушка Ху» среагировала мгновенно. Она подхватила его под локоть и, выудив из-за пазухи крупную пилюлю, с силой разжала ему челюсти, втиснув лекарство в рот.

Янь Цзызюнь пребывал в полузабытьи и глотать не мог. Женщина, выругавшись про себя, метнулась к столу, плеснула в чашку воды и, вихрем вернувшись к постели, без церемоний вылила всё прямо ему в глотку.

Беспомощный, словно кукла, Цзызюнь судорожно дернулся и всё же проглотил снадобье. Тётушка Ху облегченно выдохнула. Уложив его поудобнее, она принялась растирать ему грудь, помогая дыханию выровняться.

— И что за дрянь подсунил этот Цзя Лун? — ворчала она, не сводя глаз с бледного лица. — Столько времени прошло, а толку никакого!

Она заметно нервничала. Не то чтобы боялась гнева Чу Цзюиня, который явно не желал смерти этого задохлика, — просто не в её характере было стоять в стороне и смотреть, как кто-то испускает дух. В конце концов, потеряв терпение, она сбросила расшитые туфли, забралась на кровать позади Цзызюня и, прижав ладони к его спине, стала вливать в него потоки своей духовной силы.

Словно живительный ток прошел по меридианам. Цзызюнь замер на грани сна и яви: по телу разлилось благодатное тепло, а мучительная боль в груди, еще недавно напоминавшая удары ножа, наконец отступила. Он глубоко, облегченно вздохнул, чувствуя, как жизнь медленно возвращается в изможденное тело.

Провозившись так добрую половину ночи, Цзызюнь наконец пришел в себя. Едва открыв глаза, он наткнулся на пристальный взгляд раскосых «лисьих» глаз; она замерла прямо над ним. От неожиданности он едва не подпрыгнул на месте.

— О, а ты прыткий, — усмехнулась гостя. — Видать, пошел на поправку.

Цзызюнь коснулся груди — там всё еще теплилось приятное, согревающее чувство. Вспомнив, как провалился в темноту, он понял: эта женщина не бросила его, всю ночь провела рядом и, должно быть, спасла его жизнь. Будучи человеком воспитанным, юноша отбросил одеяло, опустился на колени прямо на постели и низко поклонился:

— Спасибо вам, сестрица, за спасение.

Тётушка Ху, не ожидавшая такого порыва, смутилась. Она слегка покраснела и замахала руками:

— Да ладно тебе... чего уж там, к чему такие церемонии?! Это Чуаньшань... то есть,

управляющий Цзя, велел мне присмотреть за тобой да принести кой-какие вещи. Считаю, повезло тебе, что наткнулся на Ху Бинцин. Пока я рядом, не дам тебе так просто угаснуть.

Бинцин сыпала словами, путаясь в выражениях, и попутно пересказала наставления управляющего. Закончив, она небрежно махнула рукой в сторону стены:

— Вон те корзины теперь твои. Понадобится что — спрашивай, не стесняйся.

Цзызюнь помедлил, стараясь, чтобы слова звучали четко:

— Вы еще молоды и так красивы... язык не поворачивается звать вас тётушкой. Можно я буду величать вас сестрицей?

Ху Бинцин прыснула от смеха. Она следовала за Чу Цзюинем три сотни лет, и во всем Сяньюане её почитали наравне с Цзя Луном. Уже целый век никто не смел обращаться к ней иначе как «Тётушка Ху», а этот паренек...

«А он ведь очаровашка!» — мелькнуло в голове.

— Как хочешь, — бросила она, стараясь сохранить равнодушие.

— Сестрица, вы... вы не сказали мне...

— А-а! Хочешь знать, что это за место, кто наш господин, велик ли дом, много ли слуг и какую лямку тебе придется тянуть? — перебила она.

Цзызюнь хотел было возразить, но от волнения язык снова перестал слушаться.

— Это поместье зовется Сяньюань — ну, как в той присказке: «Лучше быть четой неразлучников, чем бессмертным небожителем». Дому этому уже несколько сотен лет. Стоит он на северном берегу Дунтина, в уезде Хуаюн. До Юэяна отсюда рукой подать. Если когда-нибудь станешь угоден господину, может, и выведу тебя в город, проветриться...

Цзызюнь замер, лихорадочно перебирая в памяти всё, что знал об истории этих мест. Кто из знати в землях южнее Цзинцзяна мог владеть столь роскошным поместьем и процветать веками? Имен на ум не приходило. Впрочем, он даже не был уверен, какая сейчас эпоха.

— А хозяин наш... Ну, ты его вчера видел. Род Чу — именитая фамилия из Мошаньпу. Наш молодой господин не жалуется суете мира сего, вот и выбрал это родовое поместье для уединения. Ох, а до чего ж он хорош собой! Красавец, каких поискать. К тому же человек чести, скольким беднякам в округе помог — не счесть. Мы все за ним в огонь и в воду пойдем...

Ху Бинцин вдруг осеклась. Она вспомнила, что все вчерашние страдания Цзызюня — дело рук того самого «человека чести», и поспешно замолчала. Её собственное совершенствование было еще невелико, и господин не посвящал её в свои тайны, так что о причинах вражды она могла лишь гадать.

«Вчера в главном зале господин вел себя словно одержимый... но ведь он не мог ошибиться! Наверняка этот парень совершил что-то ужасное, раз хозяин его на дух не выносит».

Но глядя на бледное, размером с ладонь, лицо Цзызюня и его ясные, кроткие, как у олененка, глаза, она засомневалась. Этот юноша меньше всего походил на злодея.

— Сестрица, — негромко заговорил Цзызюнь, дождавшись паузы, — я лишь хотел спросить, какую должность вы занимаете в доме.

Бинцин обрадовалась смене темы и хохотнула:

— Я — личная служанка господина. И пусть тебя не смущает звание: я единственная женщина, допущенная в его покои. Все служанки поместья, сколько бы их ни было — а их тут больше трех сотен, — подчиняются мне.

— Тяжелая у вас доля, сестрица, — улыбнулся Цзызюнь, сложив руки в жесте уважения.

Ху Бинцин видела, что юноша не лишен такта и воспитания, но не знала, насколько он искренен. Вспомнив, что он всего лишь смертный, да к тому же хилый и больной, она успокоилась: даже если он что-то замышляет, сил у него не хватит.

— Ладно, — важно произнесла она, поправляя платье. — Ты слаб, и господин, как бы ни был зол, не станет гнать тебя на работу прямо сейчас. Пару дней отлежись, приди в себя, а как окрепнешь — найдешь меня, я определю тебя к делу.

Цзызюнь понятливо кивнул. Когда сестрица Ху уже собралась уходить, он поспешно поднялся с кровати:

— Пойдите, еще одно...

— Да что еще? Говори быстрее! — Бинцин была не в духе. Она отдала ему пятьдесят лет своей практики, проболтала полночи и теперь чувствовала смертельную усталость. Ей не терпелось вернуться к себе и вытрясти из Цзя Луна какую-нибудь редкую пилюлю, чтобы восстановить силы.

— Чу... то есть, господин. Почему он так...

— Почему он так с тобой обошелся? — закончила она за него.

Цзызюнь активно закивал.

— Пф-ф, откуда мне знать? Всё, я ушла!

Тётушка Ху закатила глаза, взмахнула шелковым платком и скрылась за дверь.

Оставшись один, Цзызюнь подошел к углу комнаты. Присев на корточки, он принялся перебирать вещи в бамбуковых корзинах. Там лежало всякое житейское барахло, пока под руку не попался сверток в засаленной бумаге. Он слабо улыбнулся.

Эту вещь прежний Цзюнь-гэер прятал под кроватью в деревянном сарае плотника Чэня. Если бы не слияние их памяти, он бы никогда не нашел этот тайник.

Развернув слой за слоем, он обнаружил вовсе не золото и не ценности, которые можно выгодно продать. В свертке лежали письменные принадлежности и несколько пожелтевших от времени книг. Бумага кое-где пошла волнами от сырости, но было видно, с какой любовью хозяин хранил эти сокровища. Покойный Цзюнь-гэер жил в нужде, но грезил лишь об одном — сдать экзамены, получить чин и принести пользу миру.

Цзызюнь коснулся старых страниц. Они не были знакомы в жизни, но сходство душ оказалось поразительным. Быть может, именно поэтому судьба связала их?

За окном холодная луна уже скрылась за горизонтом. Тьма рассеивалась, небо окрасилось в бледно-голубой цвет. Солнце еще не взошло, но утро уже вступило в свои права.

Цзызюнь потянулся. Тело еще ныло от усталости, но острой боли больше не было. Даже шрамы на груди заметно побледнели.

«Просто чудо какое-то! Эта сестрица и впрямь великая мастерица!»

Он твердо решил, что при следующей встрече обязательно поблагодарит её за спасение еще раз. Несмотря на теплую одежду, его всё еще пробирал озноб, поэтому он выудил из корзины стеганую безрукавку и натянул сверху.

Когда совсем рассвело, он поспешил из комнаты. Помнив наставления сестрицы Ху, он направился в северо-западную часть сада.

Бежал он по одной простой причине: он был зверски голоден.

Еще минуту назад он слышал доносящиеся из конюшен крики конюхов и топот слуг за дверью — поместье просыпалось. Все уже принялись за работу, и он всерьез опасался, что в столовой для челяди ничего не останется.

«Святые угодники!» — сокрушался он. Сяньюань был до того огромен, что напоминал лабиринт. Пока он доберется до кухни, там, чего доброго, уже начнут готовить обед.

Для этого дома он был лишь купленным за гроши рабом, да еще и немилым хозяину. Случись что — никто и глазом не моргнет. Вчерашняя забота сестрицы была лишь редким проявлением доброты, но полагаться на чужую милость вечно нельзя. Цзызюнь привык рассчитывать только на себя.

Свернув на узкую тропку, он прибавил шагу. Проходим не было до него дела: те, у кого он пытался спросить дорогу, либо пробегали мимо, либо хранили гробовое молчание. Цзызюнь уже начал подозревать, что хозяин за провинности приказал вырвать им языки, но вскоре понял — с ним просто не желали мараться.

Наконец, удача улыбнулась ему: он набрел на кухню. Едва переступив порог величественного здания, Цзызюнь едва не лишился дара речи.

Оставим в покое изысканный декор; само здание делилось на два огромных зала — Внешнюю и Внутреннюю кухни. Внешняя обслуживала пиры и повседневные нужды всего дома. Внутренняя же была личной вотчиной Чу Цзюиня. Цзызюнь мельком заглянул внутрь и увидел такие деликатесы, как боровая дичь, изысканные масла, редкая рыба, серебристые грибы и медовые финики. Даже рис здесь был трех сортов — красный, белый и золотистый.

Лишь в домах, где едят с золота и серебра, могли позволить себе подобную роскошь. Обычная семья за год не скопит и нескольких лянов серебра, довольствуясь лишь тем, чтобы набить утробу, а здесь повседневные яства были такими, каких простые люди не видели и за всю жизнь.

— Ты из какого двора? Чего приперся в такой час? — окликнул его мужчина, по виду — один из управляющих. Глядя на жалкое тряпье Цзызюня, на фоне которого даже последний конюх выглядел барином, он не скрывал пренебрежения. Впрочем, вспомнив вчерашний переполох в зале, он догадался: перед ним тот самый парень, которого притащил Цзя Лун.

— Простите, господин... я только прибыл, заплутал в пути и опоздал к сроку. Не найдется ли у вас хоть какой-нибудь еды? — смиренно проговорил Цзызюнь.

Управляющий, занятый делами, не стал тратить на него время и лишь крикнул вглубь:

— Лао Лю! Глянь, осталось там чего с утра? Дай парню перекусить.

— Найдется, найдется! — отозвался бодрый голос. — Пусть заходит!

Цзызюнь обернулся и увидел у дверей старика с на редкость добрым, располагающим лицом. Тот радушно махал ему рукой.

Поблагодарив обоих, Цзызюнь вошел. Старик не стал расспрашивать его, а просто снял крышку с парящей бамбуковой пароварки, выудил несколько горячих пышных булочек, завернул их в промасленную бумагу и велел спрятать за пазуху.

Пока возился, он подсунул юноше еще и чашку густой каши «восемью сокровищ». Цзызюнь, тронутый до глубины души, едва не прослезился:

— Спасибо вам, дядюшка Лу... премного благодарен...

Этого человека звали Лу Чуньлинь. Несмотря на чин заведующего, он всегда отличался кротким нравом, за что в шутку его и прозвали Лао Лю.

— Не стоит благодарности, сынок, — старик добродушно отмахнулся. — Сверху передали, чтобы тебя не притесняли. Можешь приходить за едой и впредь, только дожидайся, пока народ разойдется, чтобы не...

Тут старик вдруг осекся, он округлил глаза и поспешно прикрыл рот ладонью.

— Ой, сейчас люди придут, у меня дел невпроворот. Иди давай!

Цзызюнь кивнул, низко поклонился заведующему Лу и тихонько выскользнул за дверь.

«Неужели и впрямь небо не закрыло глаза на мои беды? Но кто велел Лао Лю помогать мне?»

Перед глазами невольно всплыл холодный, прекрасный лик Чу Цзюиня. Цзызюнь тут же потряхнул головой, прогоняя нелепую мысль.

«Нет, чушь! Скорее этот взбалмошный гордец сотрет меня в порошок и развеет по ветру, чем проявит каплю участия!»